

*Сэнди, которая выдержала почти год мрачной
ссылки в Вашингтоне, округ Колумбия, пока писа-
лась эта книга.*

ХСТ

FEAR AND LOATHING ON THE CAMPAIGN TRAIL'72

DR. HUNTER S. THOMPSON

SIMON & SCHUSTER PAPERBACKS
NEW YORK LONDON TORONTO SYDNEY NEW DELHI

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

СТРАХ И ОТВРАЩЕНИЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ ГОНКИ'72

ХАНТЕР С. ТОМПСОН

Перевод с английского

Москва 2015

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

УДК 82-3:324(7)
ББК 84(7)-443:60.561.3
Т56

Переводчики Алекс Керви, Наталья Нарциссова
Редактор Наталья Нарциссова

Томпсон Х. С.

Т56 Страх и отвращение предвыборной гонки — 72 / Хантер
С. Томпсон ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2015. — 490 с.

ISBN 978-5-91671-438-8

В качестве корреспондента журнала *Rolling Stone* Хантер Томпсон сопровождал кандидатов в президенты 1972 года в ходе их предвыборных кампаний, наблюдая за накалом страстей политической борьбы и ведя «репортаж из самого сердца урагана». В итоге родилась книга, ставшая классикой гонзо-журналистики.

С одной стороны, это рассказ о механизмах политической борьбы, а с другой — впечатляющая история самого драматичного периода в современной истории США, в течение которого произошло сразу несколько громких политических убийств: президента Джона Кеннеди, его брата Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. После убийства Кеннеди-младшего, кандидата от Демократической партии на выборах 1968 года, президентом США стал республиканец Ричард Никсон. Следующие выборы должны были показать, победит ли на этот раз кандидат от прогрессивной части американского общества, выступавшей против войны во Вьетнаме и расовой сегрегации.

Ирония, горечь, ярость автора смешиваются на страницах этой книги в коктейль убойной силы.

УДК 82-3:324(7)
ББК 84(7)-443:60.561.3

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpina.ru.

© Hunter S. Thompson, 1973

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2015

ISBN 978-5-91671-438-8 (рус.)
ISBN 978-1-4516-9157-3 (англ.)

[>>>](http://kniga.biz.ua)

Содержание

От автора	11
------------------------	-----------

Декабрь 1971-го	19
------------------------------	-----------

Нужна ли эта поездка?.. Уход в национальную политику... Две минуты и один грамм до полуночи на магистрали в Пенсильвании... Создание отдела национальной политики... Выстоит ли Джорджтаун перед черной угрозой?.. Страх и отвращение в Вашингтоне...

Январь	38
---------------------	-----------

Полная безнадега... Профи высмеивают молодых избирателей... Свежее мясо для парней из задней комнаты... «Смерть надежды» и утасаживающие ожидания... Очередной крестовый поход Маккарти?.. Джон Линдси?.. Тухлое воскресение из мертвых Хьюберта Хамфри... Насилие в ложе для прессы и рейс TWA... Кто такой Большой Эд и почему все к нему подкатывают?..

Февраль	57
----------------------	-----------

Страх и отвращение в Нью-Гэмпшире... Предвыборная поездка в Манчестер, Кин и на рыболовный завод Бута... Гарольд Хьюз — ваш друг... Странные воспоминания о 1968-м: приватная беседа с Ричардом Никсоном... Осудят ли «Ковбоя» за «дурь»?.. Первый серьезный вывод относительно Джорджа Макговерна... Слабая надежда на удар молота и ни малейшей надежды на кудесников прессы...

Март	95
-------------------	-----------

Взгляд из Ки-Бискейн... Явление дикаря-дебошира и насилие на «Саншайн спешиал»... Линдси обезумел,

Маски напуган... Большой Уоллес играет мускулами... Первые признаки рокового конца демократов... Оставь надежду, всяк сюда входящий, кроме, быть может, Теда Кеннеди...

Позже в марте 119

Вопли банши во Флориде... Появление Манкевича... Трудные времена для «человека из штата Мэн»... Сила южан и ад крошечный для Джорджа Уоллеса... Хьюб выскальзывает из мрака... Страх и отвращение среди левых демократов...

Апрель..... 136

Неожиданное поражение в Висконсине... Джаггернаут Макговерна сметает с пути Маски... Хамфри колеблется, Уоллес наступает на пятки... Большой Эд разоблачен как ибобаиновый наркоман... Макговерн приветствует шерифа... Плохие новости из «дома безнадеги»: моджо-безумие в Милуоки, или как нацисты сломили мой дух в ночь выборов... Манкевич прогнозирует победу в первом туре голосования в Майами...

Май 181

Выброс адреналина накануне голосования... Страх и отвращение в Огайо и Небраске... Хамфри становится опасен, Макговерн отступает... Белая горячка в отделе национальной политики... Кислота, амнистия и аборт... Массовые нарушения на выборах в Кливленде; смертельные часы в оперативном штабе... Уоллес подстрелен в штате Мэриленд... Разборки в Калифорнии...

Июнь 218

Калифорния: традиционная политика в полном смысле слова... «Винсент Черная тень» возвращается... Джаггернаут продолжает движение; войска Макговерна не напрягаются, так как опросы предсказывают

убедительную победу... Последняя битва Хьюберта:
жестокие нападки, отчаянные апелляции, странная
история о полуночных деньгах из Вегаса... Бесплатное
бухло и гадкие слухи в номере для прессы...
Зловещий 11-часовой спад обнажает ахиллесову пяту
Макговерна...

Позже в июне 250

Многочисленные похороны политических
боссов в Нью-Йорке... Макговерн преодолевает
трудности... Смерть двухметровой черно-синей
змеи... Что теперь ждет «старых добрых парней»?..
Анатомия посредника... В Майами плетется паутина
предательства...

Июль 266

Страх и отвращение в Майами: старые быки
встречаются с мясником... Унылая сага из Штата
Солнечного Света... Как Джордж Макговерн носился
по пляжу и растоптал почти всех... Воспоминание
о знаменитом проекте Линдси и странная эпитафия
к бойне в Чикаго... И снова заметки о политике
возмездия, а также обстоятельная техническая
консультация от Рика Стернза и дикий взгляд Ральфа
Стэдмана...

Мрачная интерлюдия 317

Август 330

За бортом жизни в «Фонтенбло»... Никсон продает
партию... Голдуотер возвращается в кампанию; Эгню
в 1976-м... Манкевич слетает с катушек; ночное
нападение в «Уэйфэрер»... Происхождение Иглтона;
предсмертный хрип «новой политики»... Может ли лось
на проселочной дороге пройти сквозь игольное ушко?..
Отвратительный наезд на демонстрантов: «Пусть велят
обратно, туда, где им и место»...

Сентябрь 381

Блюз хорошей жизни... Страх и отвращение на самолете для прессы Белого дома... Недоброе предчувствие в штаб-квартире Макговерна... Никсон закручивает гайки... «Многие, похоже, пребывают в терминальной стадии вспучивания кампании»...

Октябрь 401

Не спрашивай, по ком звонит колокол...

Ноябрь 404

В полночный час... Обкуренный на самолете «Зоопарк»; растоптанный в Су-Фолс... Хаотичный, маниакально-депрессивный рассказ о последних днях обреченной кампании Макговерна... Возвращение в самое сердце Америки в преддверии полного разгрома... Страх и отвращение в «Холидей Инн»...

Позлись на солнце..... 441**Декабрь 442**

Очищение от Макговерна... Перепалка в навозной куче... Куда мы движемся: что ожидает «новую политику»?.. Грубое вскрытие и нелицеприятный анализ причин поражения Макговерна...

Эпитафия 481

Еще четыре года... Никсон превыше всего... Страх и отвращение на Суперкубке...

Между идеей и повседневностью... падает тень.

T. C. Элиот

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

От автора

Над Сан-Франциско встает рассвет: сейчас 6:09 утра. Я слышу первые автобусы под окном моей гостиницы «Сил Рок Инн», здесь, на дальнем конце Джиари-стрит: это конечная остановка автобусного маршрута и конец всего, западный край Америки. От своего стола я вижу в сером утреннем свете темный зубчатый горб Тюленьих скал, возвышающихся над океаном. Почти всю ночь оттуда доносился лай пары сотен морских львов. Отдыхать в этом месте с открытым окном — то же самое, что жить рядом с собачьим питомником. Вчера вечером у нас в комнате оказался огромный параноидальный пудель, и, когда морские львы начали тявкать, эта тупая скотина совершенно слетела с катушек — скуля и визжа, пел носился по номеру, как курица, услышавшая вой волков за окном, прыгал по кроватям, раскидал по полу гранки моей книги, сбросил трубку с телефона, опрокинул бутылки джина и разметал стопки тщательно подобранных фотографий президентской кампании... Справа от печатной машинки, на полу между кроватями, я вижу фото 8 × 10 Фрэнка Манкевича, орущего что-то в телефон на съезде Демократической партии в Майами. Но этот снимок уже никогда не будет опубликован, потому что проклятый пес проделал своими когтями пять больших дыр прямо в груди Фрэнка.

Эта собака больше не войдет в мою комнату. Ее привел редактор, который часов шесть назад ушел с 13 готовыми главами — результатом 55 часов непрерывного, без еды и сна, сверхскоростного редактирования. Однако иначе было нельзя. Со мной трудно иметь дело, когда речь заходит о сроках. Я приехал в Сан-Франциско, чтобы собрать эту книгу воедино, и они предоставили мне для работы каморку в центре города, в редакции журнала *Rolling Stone*... Но я испытываю непреодолимое отвращение к работе в редакциях, и, после того как я не показывался там в течение трех или четырех дней, руководство решилось на единственно верный шаг: переместило мое рабочее место сюда, в гостиницу «Сил Рок Инн».

[>>>](http://kniga.biz.ua)

Дня три назад они без предупреждения нарисовались у моей двери и загрузили в комнату килограмм 20 припасов: два ящика мексиканского пива, четыре литра джина, дюжину грейпфрутов и такое количество стимуляторов, что их хватило бы, чтобы изменить результаты шести Суперкубков. Также там были большая пишущая машинка «Селектрик», две пачки бумаги, связка дубовых дров и три магнитофона — на случай, если дело дойдет до того, что мне придется надиктовывать текст.

Мы подошли к этой точке где-то на 33-й час, когда у меня наступил писательский ступор и я начал диктовать большие куски книги в микрофон — расхаживая по комнате, привязанный к пятиметровому шнуру, и говоря все, что придет в голову. Когда пленка заканчивалась, редактор вырывал ее из магнитофона и бросал в сумку... И каждые 12 часов или около того приходил курьер, чтобы забрать записанное и отвезти в редакцию, где кто-то — не знаю, кто — расшифровывал запись, перепечатывал ее и отправлял прямо в типографию в Рино.

Это явно удобный способ заканчивать работу, потому что таким образом была написана вся оставшаяся часть книги. С декабря 1971-го по январь 1973-го — в барах аэропортов, ночных кафешках и тоскливых гостиничных номерах по всей стране — в этой нестройной сумбурной саге едва ли есть абзац, который не был бы написан в последнюю минуту, в неистовстве и с зубовным скрежетом. Мне никогда не хватало времени. Каждый срок был критическим. Вокруг меня было полно опытных профессионалов, журналистов, которым приходилось сдавать работу куда чаще, чем мне, но я никогда не мог следовать их примеру. Например, Билл Грейдер из *Washington Post* или Джим Нотон из *New York Times* должны были выдавать на-гора длинные и подробные репортажи *каждый день*, в то время как у меня дедлайн наступал раз в две недели, но ни тот ни другой, казалось, никогда не спешили и еще время от времени утешали меня и сочувствовали, что мне приходится работать под таким давлением.

Любой психоаналитик, получающий 100 долларов в час, мог бы, вероятно, за какие-то 13–14 сеансов разъяснить мне, в чем моя проблема, но у меня нет на это времени. Без сомнения, с этим глубинным дефектом личности надо что-то делать, хотя, может, проблема

в каких-нибудь кровеносных сосудах, ведущих к шишковидной железе... А возможно, это что-то вроде того инстинкта, который заставляет зайца ждать до последней секунды, а потом бросаться через дорогу прямо перед несущимся автомобилем.

Люди, думающие, что что-то понимают в зайцах, скажут вам: ими движут страх, глупость и безумие. Но я провел много времени в заячьем краю и знаю, что большинство из них ведут довольно скучную жизнь. Им просто осточертевает есть, трахаться, спать и время от времени прыгать вокруг кустов... Неудивительно, что некоторых из них вдруг тянет на острые ощущения. Должно быть, они ощущают мощный выброс адреналина, когда сидят, сжавшись в комочек, на обочине дороги и ждут приближения слепящих фар, чтобы в последний момент рвануть из кустов и в доли секунды перемахнуть через дорогу всего в нескольких сантиметрах от несущихся на них колес.

Почему бы и нет? Все, что вызывает выброс адреналина, мощный, как разряд в 440 вольт, полученный в медной ванне, развивает быстроту реакции и очищает сосуды от холестерина... Но перебор с адреналином губителен для нервной системы, как и перебор с электрошоковой терапией для мозга: в конце концов, вы становитесь адреналиновым наркоманом.

Если зайца беспрестанно тянет перебегать дорогу, то это всего лишь вопрос времени, когда его раздавят в лепешку. А когда журналист превращается в наркомана от политики, он рано или поздно начинает нести околесицу и писать что-то невразумительное о том, что только Человек, Который Был Там, может это понять.

Некоторые эпизоды книги не поймет никто, кроме тех, кто принимал во всем этом участие. У политики есть собственный язык, и зачастую он настолько сложен, что больше похож на шифр. Поэтому главный секрет политической журналистики заключается в умении перевести все это на нормальный язык, т.е. придать смысл всей той бредятине, которую будут скидывать вам даже ваши друзья, и при этом не перекрыть себе доступ к информации, благодаря которому вы можете работать. В этом смысле освещение президентской кампании мало чем отличается от освещения деятельности новоизбранного окружного прокурора, который сделал предвыборное обещание «расправиться с организованной преступ-

ностью». В обоих случаях вы обретаете неожиданных друзей по обе стороны и, для того чтобы защитить их — и сохранить в качестве источников информации, — должны либо не упоминать, откуда вы что-то узнали, либо просто держать свои знания при себе.

Это был один из тех барьеров, которые я попытался обойти, когда переехал в Вашингтон и начал освещать президентскую кампанию 1972 года. Вначале я считал, что такого понятия, как «не для печати», не существует. Главная причина несостоятельности и ущербности политической журналистики в Америке кроется в том, что «за закрытыми дверями» между политиками и журналистами неизбежно возникают личные отношения — в Вашингтоне или где-либо еще, где они вынуждены общаться ежедневно. Если профессиональные противники могут в считанные часы стать приятелями-собутыльниками, то они перестают обращать внимание на «небольшие нарушения» правил и ни одна из сторон не воспринимает их всерьез. А в тех редких случаях, когда эти «небольшие нарушения» вдруг становятся большими, и те и другие впадают в панику.

Классическим примером этого синдрома стало «дело Иглтона». Половина политических журналистов в Сент-Луисе и по крайней мере дюжина в пресс-корпусе Вашингтона знали Иглтона как пьяницу с целым букетом психических расстройств, но никто из них никогда не писал об этом, а те немногие, кто позволял себе сказать что-то в частном разговоре, мигом заткнулись, стоило сотрудникам Макговерна начать наводить справки в тот роковой четверг в Майами. Ведь любой вашингтонский политический репортер, который лишает сенатора шансов стать вице-президентом, может сразу начинать искать другие темы для освещения, потому что на Капитолийском холме его имя будет смешано с грязью.

Когда я отправился в Вашингтон, то был полон решимости избежать этой ловушки. В отличие от большинства корреспондентов, я мог позволить себе сжигать за собой мосты, потому что мне предстояло проработать там всего год и последнее, что меня заботило, это установление долгосрочных связей на Капитолийском холме. Я поехал туда по двум причинам: во-первых, чтобы узнать как можно больше о механизме и сущности президентской кампании, а во-вторых, чтобы написать об этом так же, как я пишу обо всем остальном — как можно ближе к правде, и к черту последствия!

Это была прекрасная идея, и, как мне теперь кажется, это сработало, но, оглядываясь назад, я вижу за этим бескомпромиссным подходом две серьезные проблемы. Наиболее очевидная и наименее серьезная из них заключалась в том, что даже те немногие люди, которых я рассматривал как своих друзей в Вашингтоне, считали меня ходячей бомбой. Некоторые не хотели даже выпивать со мной, опасаясь, что у них развяжутся языки и они сболтнут лишнее, а через две недели все ими сказанное появится на прилавках газетных киосков. Другая, более сложная проблема была связана с моей естественной и нескрываемой симпатией к кандидатуре Макговерна — хотя поначалу, когда Джордж был безнадежным аутсайдером, это не было проблемой, потому что его сотрудники не видели никакого вреда в том, чтобы пооткровенничать с любым журналистом, проявлявшим доброжелательность и интерес. Но, когда он чудесным образом стал лидером предвыборной гонки, я оказался в крайне неудобном положении. Те, с кем я завел дружбу раньше, когда выдвижение Макговерна на пост кандидата в президенты от Демократической партии казалось почти столь же странной идеей, как и освещение президентской кампании постоянным корреспондентом журнала *Rolling Stone*, из горстки безнадежных идеалистов, с которыми я общался по сугубо личным причинам, вдруг превратились в ключевые фигуры стремительно шириющегося движения, представляющего человека, который, как казалось, мог не только победить во внутрипартийной гонке, но и вышибить из Белого дома Никсона.

Успех Макговерна на предварительных выборах здорово повлиял на мои отношения с людьми, которые руководили его кампанией, особенно с теми из них, кто знал меня достаточно хорошо и чувствовал, что мое презрение к освященным веками двойным стандартам политической журналистики не вполне совместимо с большой политической игрой, в которую вступил Джордж. И их опасения только усилились, когда выяснилось, что политическую колонку в *Rolling Stone* читают не только торчки, анархисты и маргиналы. Вскоре после впечатляющей победы Макговерна на предварительных выборах в Висконсине заклятый рупор истеблишмента Стюарт Олсон снизошел со своей колокольни, процитировав некоторые из моих наиболее ядовитых высказываний о Ма-

ски и Хамфри в своей колонке в *Newsweek*, повысив меня до вполне respectable уровня.

После этого все изменилось. К тому времени, когда кампания Макговерна докатилась до Калифорнии, все уже пребывали в состоянии адской напряженности. С самого верха были спущены распоряжения, обязывающие штатных сотрудников остерегаться прессы. Исключение было сделано только для репортеров, известных уважительным отношением к тому, что говорится «конфиденциально», но я под это определение не подходил.

Ну и хватит об этом. Главное, что я хотел сказать — прежде чем отвлекся на зайцев, — то, что все в этой книге, кроме примечаний, было написано под давлением сроков, в последнюю минуту, в ураганном вихре кампании, запутанной и непредсказуемой настолько, что даже сами ее участники порой не понимали, что происходит.

Прежде я никогда не освещал президентских кампаний, но, едва оказался втянут в эту, как сразу же подсел на нее настолько, что начал делать ставки на исход каждой предварительных выборов. И благодаря сочетанию агрессивного невежества с врожденным стремлением поиздеваться над расхожим мнением мне удалось выиграть все, кроме двух, из 50 или 60 ставок, сделанных в период с февраля по ноябрь. Мой первый проигрыш случился в Нью-Гэмпшире, где я чувствовал себя виноватым, потому что развел одного из сотрудников штаба Макговерна, который поставил на то, что Джордж получит больше 35 процентов голосов. Я проиграл, потому что Джордж финишировал с 37,5 процента. Но с того момента я беспрестанно выигрывал — вплоть до 7 ноября, когда совершил роковую ошибку, положившись на чувства, а не на инстинкт.

Результат был убийственным, ну и что, черт возьми? Я облажался, как и множество других людей, которые должны были знать больше, чем я, и поскольку я не изменил ровным счетом ничего в этой гряде черновых отрывков, написанных мною во время кампании, то не вижу никаких оснований для того, чтобы дать другой финальный прогноз. А начни я сейчас что-то переписывать, это разрушило бы основную концепцию книги, которая — помимо отчаянного плана издателя продать ее в таком количестве экземпляров, чтобы покрыть сделанные мною за эти 12 безумных месяцев фан-

тастические расходы — заключалась в том, чтобы, связав все воедино, *зафиксировать, как проходила эта невероятно изменчивая президентская кампания*: все как было, репортаж из самого сердца урагана, и нет другого способа сделать это, кроме как отказаться от роскоши делать выводы задним числом.

Так что это скорее пристрастный дневник, нежели документальное свидетельство или продуманный анализ президентской кампании 1972 года. То, что вы прочтете здесь, ничем не отличается от того, что я писал по ходу избирательной кампании в полуночные часы на взятых напрокат пишущих машинках во всех этих бардачных гостиничных номерах — и в «Вэйфеарер Инн» в пригороде Манчестера, и в «Нейл Хаусе» в Коламбусе, и в «Уилшир Хайят Хаусе» в Лос-Анджелесе, и в «Фонтенбло» в Майами — в марте, мае и июле, когда выдергивал из пишущей машинки страницу и отправлял ее в пластиковую пасть этого чертова телетайпа какому-то укуренному уроду в лице редактора новостного отдела *Rolling Stone* в Сан-Франциско.

То, что я хотел бы представить здесь, — это своего рода киноплёнка, на которой кампания показана такой, какой она была *в то время*, а не такой, какой она в итоге вошла в историю. Тем более что книг, описывающих ее с исторической точки зрения, и так будет достаточно. Последние подсчеты я получил как раз перед Рождеством 1972-го, когда экс-спичрайтер Макговерна Сэнди Бергер сказал, что по меньшей мере 19 людей, принимавших участие в кампании, собираются написать об этом книги, так что мы в конечном итоге получим весь спектр мнений — уж не знаю, к худшему это или к лучшему.

Между тем мой номер в «Сил рок» наполняется людьми, которые, кажется, пребывают на грани истерики, глядя, как я все еще сижу здесь и трачу время на сумбурное вступление, тогда как еще не написана последняя глава, которая в течение 24 часов должна уйти в печать... Но если здесь не появится кто-то с чрезвычайно мощным стимулятором, то никакой последней главы может и не быть. Четыре дорожки хорошего фена помогли бы мне проделать этот трюк, но я не столь оптимистичен. На рынке в эти дни налицо нехватка настоящего, «высоковольтного» фена, и — если верить недавнему заявлению официального представителя мини-

стерства юстиции в Вашингтоне — это очевидное свидетельство прогресса в Нашей Войне Против Опасных Наркотиков.

Что ж... Спасибо Иисусу за это. Я уже начал думать, что мы никогда их не одолеем. Но люди в Вашингтоне говорят, что мы, наконец-то, делаем успехи. И если кто-то и должен что-то знать, то это они. Так что, возможно, эта страна собирается вновь встать на правильный путь.

ХСТ

*Воскресенье, 28 января 1973 года,
Сан-Франциско, «Сил Рок Инн»*

Декабрь 1971-го

Нужна ли эта поездка?.. Уход в национальную политику... Две минуты и один грамм до полуночи на магистрали в Пенсильвании... Создание отдела национальной политики... Выстоит ли Джорджтаун перед черной угрозой?.. Страх и отвращение в Вашингтоне...

Улица за моей новой входной дверью завалена листьями. Газон перед домом спускается к тротуару; трава все еще зеленая, но жизнь уже уходит из нее. Красные ягоды засыхают на дереве рядом с белым крыльцом в колониальном стиле. На подъездной дорожке перед кирпичным гаражом стоит мой «вольво» с голубыми кожаными сиденьями и номерами штата Колорадо. А рядом с автомобилем лежит связка новых дров: сосновых, вязовых и вишневых. Я жгу просто неприлично много дров в эти дни... Даже больше, чем братья Олсоп¹.

Когда человек отказывается от наркотиков, ему нужно больше огня в жизни — каждую ночь до утра огромные языки пламени в камине и звук, включенный на полную. Я заказал побольше динамиков, чтобы они соответствовали моему новому усилителю «Макинтош», а также 50-ваттный бумбокс для FM-радио в машине.

Говорят, с бумбоксом вам нужны хорошие ремни безопасности, иначе басовые риффы начнут сотрясать вас, как шарик от пинг-понга, что в условиях дорожного движения как-то некстати, особенно на прекрасных бульварах нашей столицы.

Одно из лучших и самых благотворных последствий переезда на Восток заключается в том, что ты начинаешь как следует понимать смысл «движения на Запад» в американской истории. Проведя

¹ Братья Олсоп — Джозеф и Стюарт — известные американские журналисты, политические обозреватели. — *Прим. ред.*

на побережье или даже в Колорадо несколько лет, быстро забываешь, ради чего, собственно, ты сорвался с места и двинулся на Запад. Живешь себе в Лос-Анджелесе и через некоторое время начинаешь проклинать пробки на автострадах в теплых тихоокеанских сумерках... И уже не вспоминаешь о том, что в Нью-Йорке невозможно даже *припарковаться*, не говоря уж о том, чтобы ездить.

Даже в Вашингтоне, который все еще относительно свободен с точки зрения движения транспорта, парковка в центре обходится мне каждый раз около полутора долларов в час, что просто отвратительно... Но раздражает не столько стоимость, сколько понимание того, что парковаться на улицах уже больше не считается чем-то вполне естественным и здравомыслящим. И если вам повезет найти место рядом со стоянкой, вы не решитесь оставить там машину, потому что высоки шансы на то, что кто-то придет и либо украдет вашу машину, либо разворотит ее, поскольку вы не оставили в ней ключи.

Мне говорят, что это обычное дело, когда ты возвращаешься к своему автомобилю и обнаруживаешь, что радиоантенна вырвана, дворники погнуты, как макароны, а окна разбиты... И все это без особой цели — просто, чтобы убедиться, что ты понимаешь, где находишься и как здесь обстоят дела.

Где же в самом деле?

В полшестого утра я могу выйти на улицу, чтобы втихую помочь с крыльца и посмотреть на лужайку, медленно умирающую под белой морозной глазурью... Сегодня вечером здесь тихо, ничего не происходит с тех пор, как злобный ниггер швырнул тяжеленную пачку *Washington Post* на верхнюю ступеньку моего каменного крыльца, угодив в стеклянный фонарь и вдребезги разбив его. Он предложил было заплатить за ущерб, но мои доберманы уже вцепились в него.

Жизнь в этом городе течет стремительно и убого. Напоминает проживание в военном лагере в состоянии постоянного страха. Вашингтон примерно на 72 процента черный; сокращающееся белое население загнало себя в элегантного вида гетто в северо-западной части города, что, похоже, только упростило жизнь черным мажордам, превратившим такие места, как шикарный Джорджтаун

и некогда стильный Капитолийский холм, в зоны параноидального страха.

Обозреватель *Washington Post* Николас фон Хоффман недавно отметил, что администрация Никсона/Митчелла, одержимая восстановлением законности и порядка в стране почти любой ценой, похоже, совершенно не обеспокоена тем, что Вашингтон, округ Колумбия, стал «мировой столицей насилия».

Один из самых опасных в городе — некогда фешенебельный район Капитолийского холма. Он непосредственно окружает офисные здания сената и конгресса, и это очень удобное место проживания для тысяч молодых клерков, помощников и секретарей, работающих там, на вершине. Мирные, осененные тенью деревьев улицы на Капитолийском холме выглядят как угодно, только не угрожающе: кирпичные таунхаусы в колониальном стиле со стеклянными дверьми и высокими окнами, выходящими на библиотеку Конгресса и монумент Вашингтона... Приехав сюда где-то месяц назад, я объездил весь город в поисках дома или квартиры и решил, что было бы логично остановиться на Капитолийском холме.

«Черт побери, старина! — воскликнул мой друг из либеральной *New York Post*. — Да ты не сможешь там жить! Это же чертовы джунгли!»

Уровень преступности в этом районе таков, что даже Джон Гувер удивился¹. Количество изнасилований, как говорят, в этом году выросло на 80 процентов по сравнению с 1970-м, а недавний всплеск убийств (в среднем около одного в день) свел почти на нет боевой дух местной полиции. Из 250 убийств в этом году были раскрыты только 36... *Washington Post* полагает, что полицейские просто готовы сдатьсь.

Между тем такие происшествия, как кражи, уличные грабежи и нападения, происходят настолько часто, что они уже больше не считаются новостями. Вашингтонская *Evening Star*, одна из трех ежедневных газет города, располагается в юго-восточном округе — в нескольких кварталах от Капитолия — в здании без окон, похо-

¹ Джон Гувер (1895–1972) — американский государственный деятель, на протяжении почти полувека, с 1924 года до самой смерти в 1972 году, занимавший пост директора Федерального бюро расследований. Гувер умер весной 1972 года. Данные, опубликованные в конце этого года, показали, что уровень преступности в стране снизился впервые за последние 10 лет. — *Прим. ред.*

жем на золотохранилище в Форт-Ноксе. Попасть в *Star*, чтобы с кем-то повидаться, почти так же сложно, как проникнуть в Белый дом. Посетителей тщательно обыскивают наемные полицейские, они же приказывают заполнять формы, которые служат «пропусками на вход». Журналисты *Star* так часто подвергаются нападениям, угрозам и грабежам, что на работу они приезжают и уезжают в такси, и, пробираясь от машины к ярко подсвеченному пропускному пункту, выглядят, словно люди, бегущие сквозь строй, — опасаясь, и не без оснований, каждого внезапного звука шагов.

Чужаку все это дается непросто. Последние несколько лет я жил в таком месте, где мне не надо было забирать из машины ключи и тем более запирать свой дом. Замки выполняли сугубо символическую функцию, а если дело принимало серьезный оборот, то наготове всегда имелся «магнум» 44-го калибра. Но в Вашингтоне у вас создается впечатление — если верить тому, что вы слышите даже от самых «либеральных» аборигенов, — что почти каждый, кого вы видите на улице, имеет при себе, по крайней мере, «спешал» 38-го калибра, а, возможно, и что-нибудь покрупче.

На расстоянии в десять шагов это, конечно, уже не имеет особого значения... Но становится как-то не по себе, когда узнаешь, что никто в здравом уме не решается отправиться в одиночестве от здания Капитолия до автомобиля на парковочной стоянке, боясь того, что потом придется голому и истекающему кровью ползти в ближайший полицейский участок.

Все это звучит невероятно, и моей первой реакцией было: «Да ладно! Все не может быть *настолько* плохо!»

«Подожди, и ты увидишь, — сказали мне. — А пока держи двери на замке».

Я немедленно позвонил в Колорадо и заказал себе очередного добермана. Если дела в этом городе обстоят именно так, то это лучшее, что можно сделать... Но без чувства юмора паранойя становится безудержной... И сейчас мне пришло в голову, что именно это, возможно, и произошло с остатками «либеральной структуры власти» в Вашингтоне. Ведь одно дело быть избитым в конгрессе — даже если вас бьют *множество* раз, — и совсем другое, когда вы крадетесь из палаты сената с поджатым хвостом и вынуждены бояться того, что вас ограбит, растопчет или изнасилует на парковке

Капитолийского холма троица бунтарей из «Черных пантер»¹... Наверное, это портит вам настроение и пагубно влияет на ваши либеральные инстинкты.

Здесь невозможно избежать «расистского подтекста». Ведь убийственная правда заключается в том, что Вашингтон — это в основном город черных, и поэтому большая часть насильственных преступлений совершается чернокожими — не всегда против белых, но достаточно часто, чтобы заставить относительно богатое белое население очень нервничать, случайно встречаясь со своими черными согражданами. Проведя в этом городе всего лишь десять дней, я заметил, что страх помутил даже мой рассудок: я поймал себя на том, что проезжаю мимо черных автостопщиков. Каждый раз, сделав это, я спрашиваю себя: «Какого черта ты так поступил?» И отвечаю: «Ну, ладно, я подберу следующего, кого увижу». И иногда так и делаю, но не всегда...

О моем прибытии в город не упомянул ни один из светских обозревателей. Насколько мне припоминается, я въехал в Вашингтон вскоре после рассвета, чуть раньше, чем наступил час пик — автомобильная пробка из подвозящих друг друга на работу правительственных служащих, назревающая в пригородах Мэриленда... Я рывками, как хромой урод, продвигался по еле ползущей автостраде 70S, таща за собой взятый напрокат огромный оранжевый прицеп, полный книг и «важных бумаг», и чувствуя себя мучительно медлительным и беспомощным, потому что мой «вольво» не предназначен для такой работенки.

Это шустрый маленький зверь и одна из лучших машин, когда-либо созданных для ухабистой дороги, вожделения по грязи и снегу... Но даже этот новый, шестицилиндровый супервольво не мог справиться с перевозкой почти тонны барахла через всю страну — из Вуди Крик, штат Колорадо, в Вашингтон, округ Колумбия.

Когда я пересек границу штата Мэриленд, над Хагерстауном всходило солнце, а мой одометр показывал 3468 км... Все

¹ Партия черных пантер — афроамериканская организация, ставившая своей целью продвижение гражданских прав чернокожего населения. Была активна в США с середины 1960-х по 1970-е годы. — *Прим. ред.*

еще не пришедший в себя после того, как заблудился где-то в районе деревушки под названием Бризвуд в Пенсильвании, я остановился, чтобы обсудить вопрос приобретения наркотиков с двумя хиппи, которых встретил на шоссе.

У них пробило колесо к востоку от Эверетта, но никто не остановился, чтобы одолжить им домкрат. У них было с собой запасное колесо — и домкрат тоже, если на то пошло, — но не было *рукоятки* домкрата, и они не могли поднять машину и поставить запаску. Они поехали в Кливленд из Балтимора — чтобы воспользоваться резким падением цен на рынке подержанных автомобилей в городах вокруг Детройта — и купили этот 66-й «форд фэйрлейн» всего за 150 долларов.

Я был впечатлен.

— Да твою мать! — сказали они. — Ты можешь раздобыть там чертов *новый «фандерберд»* за семь пятьдесят. Все, что тебе нужно, — это *наличка*, мужик! Люди там просто в отчаянии! Там нет работы, старик, и они продают все! Цены упали с доллара до десяти центов. Вот черт, да я могу любую машину, которая попадется мне под Детройтом, продать в Балтиморе за две цены.

Я сказал, что хотел бы переговорить с кое-какими людьми, имеющими капитал, и, возможно, войти в этот бизнес, если там все так хорошо, как они говорят. Они заверили меня, что я могу сделать целое состояние, если найду достаточно налички, чтобы гонять машины из Детройта — Толедо — Кливленда в такие места, как Балтимор, Филадельфия и Вашингтон.

— Все, что тебе нужно, — сказали они, — это немного бабла для начала и несколько ребят, чтобы гонять тачки.

— Точно, — ответил я. — И несколько рукояток для домкрата.

— Что?

— Рукояток для домкрата — для таких случаев.

Они засмеялись. Да, рукоятка домкрата или что-то в этом духе может избавить от множества неприятностей. Они отчаянно махали руками, стоя на краю дороги, около трех часов, пока не появился я... И то, по правде сказать, я остановился лишь потому, что не мог поверить своим глазам. Я в полном одиночестве ехал по шоссе в Пенсильвании, когда, спускаясь с холма, краем глаза заметил справа нечто вроде белой гориллы, бегущей из темноты к дороге.

Я вдарил по тормозам и остановился. Что, вашу мать, это было? Чуть раньше, поднимаясь на холм, я видел машину со спущенным колесом, но на дорогах в наше время полно всякого брошенного железного хлама... И вы не обращаете на него внимания, пока вдруг не приходится резко забирать руль влево, чтобы не наехать на большого пушистого белого зверя, рванувшего на дорогу на задних лапах.

Белый медведь?

В это ранее утро мне было паршиво от той дряни, которую передавали по радио, и тяжелого похмелья после квартиры виски, выпитой между Чикаго и выездом из Алтуны. Поэтому я решил: почему нет? Надо проверить, в чем дело.

Но я ехал со скоростью около 110 км/ч и к тому же совершенно забыл о прицепе... В общем, к тому моменту, когда мне со всем этим добром удалось остановиться, я уже проехал полкилометра вниз по холму и не мог сдать назад.

Тем не менее меня разбирало любопытство. Поэтому я включил задние фары на своем «вольво» и пошел вверх по дороге в крошечной тьме с фонарем в одной руке и «магнумом-357» в другой. «Не хотелось бы, чтобы меня избили и отымали, — думал я, — дикие звери или кто-либо еще». Мои-то побуждения были исключительно мирными, но как насчет того существа, которое я собирался найти? О всяких таких людях пишут в *Reader's Digest*: озверевшие от крови торчки, которые прячутся по обочинам шоссе и охотятся на невинных путешественников.

Может быть, это Мэнсон или призрак Чарли Старквезера¹? Никогда не знаешь, чего ждать — и в плохом, и в хорошем смысле... В моем случае это оказались два несчастных наркомана, обломавшихся и безнадежно обкуренных, застрявших у шоссе из-за того, что у них не было рукоятки домкрата, которая стоит 90 центов... И теперь, после трех часов тщетных попыток дожидаться помощи,

¹ Чарльз Мэнсон — американский преступник, лидер коммуны «Семья», члены которой в 1969 году совершили ряд жестоких убийств. Чарльз Старквезер — убийца и грабитель, который вместе со своей 14-летней подругой Кэрил Фьюгейт отправил на тот свет 11 человек. Среди их жертв оказались влюбленные, которые посадили их в свой автомобиль, когда те голосовали на дороге. В 1959 году Старквезера казнили на электрическом стуле, а его подругу приговорили к длительному тюремному заключению. — *Прим. ред.*

они наконец привлекли внимание пьяного лунатика, который, прежде чем остановиться, уехал от них на полкилометра, а потом подкрался к ним в темноте с «магнумом-357» в руке.

После такого задумаешься, стоит ли вообще просить у кого-то помощи. Откуда им было знать, что я не свихнулся от «ангельской пыли»¹ и не жажду наполнить пустую бутылку из-под «Дикой индейки» свежей кровью, чтобы, напившись ее, доехать наконец до Вашингтона и подать заявку на пресс-аккредитацию в Белом доме... Ничто так не способствует тому, чтобы рвануть в большую политику, как хорошая доза красных кровавых телец!

Но на этот раз все вышло тип-топ — как обычно и бывает, когда следуешь инстинктам, — и когда я наконец дошел до стоящей на обочине развалюхи со спущенным колесом, то обнаружил там всего-навсего двоих продрогших наркоманов. «Белым медведем», бросившимся на дорогу, оказался Джерри, завернутый в белое шерстяное одеяло из благотворительного магазина в Балтиморе. Он впал в такое отчаяние, что решил пойти на все, лишь бы кого-нибудь остановить. Но, по его словам, по меньшей мере 100 машин и грузовиков пронеслись мимо: «Я знаю, что они видели меня, потому что большинство перестроились на другую полосу — даже полицейская машина. Черт возьми, в первый раз в жизни я действительно хотел, чтобы рядом со мной остановились полицейские... Твою мать, они же должны помогать людям, разве нет?!»

Лестер, его друг, был так удолбан, что не вылезал из тачки, пока мы не начали поднимать ее... Домкрат «вольво» для этого не годился, но у меня была огромная отвертка, которую нам удалось использовать в качестве рукоятки для их домкрата.

Когда Лестер в конце концов выбрался наружу, он сначала по большей части молчал, но наконец в голове у него слегка прояснилось, и он даже помог нам поставить колесо. Пока Джерри затягивал болты, Лестер посмотрел на меня и спросил:

— Скажи, дружище, у тебя есть что-нибудь покурить?

¹ «Ангельская пыль» — наркотик, получаемый из транквилизатора для животных, появившийся в начале 1970-х и распространенный преимущественно в США. Обладает галлюциногенным эффектом. — *Прим. ред.*

— Покурить? — переспросил я. — Неужто я выгляжу как человек, у которого есть с собой марихуана?

Лестер бросил на меня быстрый взгляд и покачал головой.

— Вот дерьмо, — сказал он. — Тогда давай покурим нашей.

— Не здесь, — отозвался я. — Эти синие огни метрах в ста от того места, где стоит моя машина, — полицейские казармы. Давайте выпьем кофе внизу в Бризвуде, там должна быть кафешка для водителей грузовиков.

Джерри кивнул:

— Здесь чертовски холодно. Если мы хотим упухаться по полной программе, надо отправиться куда-нибудь, где тепло.

Они подвезли меня вниз к «вольво», а затем последовали за мной в Бризвуд к стоянке для дальнобойщиков.

— Это *страшное* дерьмо, — пробормотал Лестер, передавая косяк Джерри. — Сейчас не продают ничего стоящего. Получается, что единственное, чем можно удолбаться по полной, — это герыч.

Джерри кивнул. Появилась официантка, которая принесла еще кофе.

— Что-то вы, мальчики, много смеетесь, — сказала она. — Что вас развеселило в такую рань?

Лестер уставился на нее блестящими глазами, взгляд которых мог бы показаться опасным, если бы он не был в таком добродушном настроении, и улыбнулся беззубой улыбкой:

— Вы понимаете, — заявил он, — я раньше занимался мужской проституцией и смеюсь оттого, что счастлив, потому что наконец обрел Иисуса.

Официантка нервно улыбнулась, наполнила наши чашки и поспешила на свое место за прилавком. Мы выпили кофе и обменялись еще несколькими историями об ужасах современного наркорынка. Затем Джерри сказал, что им пора двигаться дальше.

— Мы едем в Балтимор, — сказал он. — А ты куда?

— В Вашингтон, — ответил я.

— Зачем? — спросил Лестер. — Какого черта кому-то вообще туда ехать?

Я пожал плечами. Мы стояли на стоянке, пока мой доберман мочился на колесо грузовика для перевозки домашней птицы Hard Brothers.

— Ну... это такая странная поездка, — выдавил я наконец. — Так уж получилось, что я, в конце концов, впервые за 12 лет получил работу.

— Бог ты мой! — воскликнул Лестер. — Это тяжело. Двенадцать лет на пособии! Дружище, тебе действительно туго пришлось!

Я улыбнулся:

— Да, можно сказать и так.

— Что же *это* за работа такая? — спросил Джерри.

Тем временем доберман занялся водителем грузовика Hard Brothers: тот стоял, прижавшись спиной к кабине, и истерично визжал, отбиваясь от собаки армейскими ботинками с металлическими мысками. Со смутным удовлетворением мы наблюдали, как доберман, озадаченный этой сумасшедшей вспышкой ярости, попятился и угрожающе зарычал.

— О, господи! — завопил дальнбойщик. — Кто-нибудь, помогите мне!

Он явно предчувствовал, что его вот-вот без всякой на то причины загрызет какая-то злобная тварь, которая выбежала из темноты и прижала его к кабине собственного грузовика.

— Хватит, Бенджи! — крикнул я. — Не шути с этим типом — он нервный.

Дальнбойщик потряс кулаком в мою сторону и закричал что-то о номере моей лицензии.

— Убирайся отсюда, придурок! — заорал Лестер. — Вот из-за таких свиней, как ты, о доберманах идет дурная слава.

Когда дальнбойщик рванул прочь, Джерри засмеялся.

— С такой собакой ты на работе долго не протянешь, — сказал он. — А серьезно, чем ты занимаешься?

— Это связано с политикой, — ответил я. — Я еду в Вашингтон, чтобы освещать президентскую предвыборную гонку для журнала *Rolling Stone*.

— Господи Иисусе! — пробормотал Джерри. — Надо же! *Stone* втравился в политику?

Я уставился в асфальт, не зная, что сказать. Втравился ли *Stone* в политику? Или это *только* я в нее втравился? На самом деле я никогда не задумывался об этом... Но теперь, на подступах к Вашингтону, в сером предутреннем свете, на этой стоянке для грузови-

ков рядом с Бризвудом к северу от границы Мэриленда, мне вдруг пришло в голову, что я действительно не могу сказать, что я здесь делаю, за исключением того, что направляюсь в округ Колумбия с оранжевым прицепом в форме свиньи и доберманом-пинчером, у которого после многих дней, проведенных в дороге, вконец расстроился желудок.

— Довольно паршивый способ вернуться на работу, — сказал Лестер. — Почему бы тебе не забить на эту фигню и не замутить с нами что-нибудь вроде перепродажи автомобилей, о которой тебе рассказал Джерри?

Я покачал головой:

— Нет, я хочу хотя бы попробовать.

Лестер какое-то время смотрел на меня, потом пожал плечами.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Какой облом! Да зачем кому-то вообще окунаться в такую кучу дерьма, как политика?

— Ну... — протянул я, прикидывая, есть ли здравомыслящий ответ на подобный вопрос. — Это трудно объяснить, это личное.

Джерри улыбнулся.

— Ты говоришь так, как будто уже пробовал, — сказал он. — Как будто ты уже *словил кайф от нее*.

— Не настолько, насколько хотел, — сказал я, — но улетел определенно.

Лестер посмотрел на меня с интересом.

— Я всегда так и думал про политиков, — заметил он. — Просто банда чертовых наркош, помешанных на власти, только их от другогó глючит.

— Да ладно, — проговорил Джерри. — Некоторые из этих парней нормальные.

— Кто именно? — спросил Лестер.

— Вот почему я и собрался в Вашингтон, — сказал я. — Чтобы посмотреть на этих людей и понять, *все ли они свиньи*.

— Не волнуйся, — сказал Лестер, — все. С тем же успехом ты мог бы поискать девственниц в балтиморском борделе.

— Ладно, — сказал я. — Увидимся, когда я доберусь до Балтимора.

Я протянул руку, и Джерри пожал ее обычным рукопожатием, но Лестер поднял вверх свой большой палец, так что я должен был

ответить на это рукопожатие Революционных Братьев по Наркотикам, или что там должен означать этот чертов жест. Если вы путешествуете по стране, то на маршруте между Беркли и Бостоном должны освоить 19 видов рукопожатий.

— Он прав, — сказал Джерри. — Эти ублюдки просто *не были* там, если бы не прогнали насквозь.

И покачал головой, зло глядя мимо нас. Заря разгоралась, ночь четверга умирала, и по шоссе за стоянкой с ревом проносились автомобили, полные людей, едущих в пятницу утром на работу.

«Добро пожаловать в Вашингтон, округ Колумбия» — так написано на огромной — около шести метров в ширину и трех в высоту — каменной дорожной вывеске. Освещенная прожекторами, она стоит в считанных метрах от границы Мэриленда в самом начале 16-й улицы — пятиполосной, обсаженной по обеим сторонам деревьями и насчитывающей около 1300 несинхронных светофоров отсюда и до самого Белого дома.

Жить в самом округе не модно, если только вы не подыщете себе старый кирпичный таунхаус с зарешеченными окнами в Джорджтауне за 700 или около того баксов в месяц. Вашингтонский Джорджтаун — это уродливый ответ на Гринвич-Виллидж. Но не совсем. Еще больше он похож на район Старого города в Чикаго, где живут в основном съехавшие с катушек редакторы *Playboy*, курящие изготовленные по спецзаказу косяки. А обитатели Джорджтауна — это модные молодые юристы, журналисты и чиновники, завсегда-таи нескольких баров, обшитых сосновыми панелями, и дискотек «только для холостяков», где напитки стоят 1,75 доллара, а с девушек в коротеньких шортах не взимается дополнительной платы за обслуживание.

Я живу на «черной» стороне парка Рок-Крик, в месте, которое мои друзья-журналисты считают «маргинальным районом». Почти все, кого я знаю или с кем имел дело по работе, живут либо в зеленых пригородах Вирджинии, либо повыше, на «белой» стороне парка, около Чеве-Чейза и Бетесды, в Мэриленде.

Субкультура рассеяна по отдаленным бастионам, и единственное более-менее близкое ко мне место — это район вокруг Дюпон-Серкл, в центре. Из моих знакомых там живут Николас фон Хофф-